

В. Б. Кувалдин¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА: ИСПЫТАНИЕ КРИЗИСОМ

Финансово-экономический кризис 2007–2009 годов — первый кризис глобального мира. Как любой серьезный кризис, будучи моментом истины, он дал нам бесценный материал для понимания многих процессов, происходящих в современном мире. В частности, он выступил строгим экзаменатором национально-государственных систем во всех сферах деятельности.

Чтобы трезво оценить степень строгости устроенного экзамена, надо сначала охарактеризовать самого экзаменатора. Конечно, сравнение последнего кризиса с Великим кризисом 1929–1933 годов, которым нередко грешили в научных дискуссиях и публицистике, не выдерживает критики. По всем объективным критериям он явно не «тянул» на вселенскую катастрофу, подобную той, которая разразилась в 1930-х годах. Он выделялся своими масштабами лишь на фоне довольно мягких кризисов второй половины XX века. Хотя надо отметить, что кризис середины 1970-х годов и последовавшая за ним стагфляция были, пожалуй, не менее суровым испытанием для национальных экономик и мирового хозяйства в целом.

Прошедший кризис мало сопоставим с его грозным предшественником не только по масштабу, но и по существу. Великий кризис был порождением тяжелейшего срыва процесса глобализации, который бурно и успешно развивался на протяжении всего XIX века, но явно забуксовал в начале прошлого столетия. Многочисленные нарушения естественного порядка вещей и хода событий в формирующихся глобальных системах привели к чудовищным выбросам первой половины XX века — Первой и Второй мировым войнам, Великому кризису, революционным потрясениям, фашистским переворотам, разделам и переделам мира наиболее крупными игроками.

Нынешний кризис — кризис роста, становления глобального мира, подгонки и «притирки» его основных компонентов. Ему предшествовала целая цепь региональных кризисов, прокатившихся по миру на рубеже веков: Юго-Восточная Азия (1997–1998), Россия (1998), Латинская Америка (1998–2001). Он тоже начался как региональный кризис в Северной Америке, но, поскольку речь идет о самом центре современной мировой экономической и политической системы, то быстро приобрел глобальный характер (вот здесь аналогия с Великим кризисом 1929–1933 годов работает, но не надо его слишком увлекаться).

¹ Заведующий кафедрой общественно-гуманитарных дисциплин Московской школы экономики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. книг: «Интеллигенция в послевоенной Италии», «Американский капитализм и интеллигенция: историко-социологический очерк», «Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения» и др. Член исполкома Горбачев-Фонда.

Коренным образом различаются и пути преодоления двух кризисов, разделенных большим, весьма насыщенным событиями и значимым промежуток исторического развития в восемь десятилетий. Оказавшиеся под ударами Великого кризиса национально-государственные образования пытались спастись (и погибли!) в одиночку. Нынешний кризис преодолевался коллективными усилиями всех ведущих государств планеты. Можно спорить о степени их продуманности, основательности и эффективности, но принципиальное различие подходов налицо.

Рискнем предположить, что и последствия прошедшего кризиса будут совсем иными, чем в 1930-е годы. Великий кризис был во многом порождением Первой мировой войны и важнейшей причиной возникновения Второй. В нынешнем кризисе проявились тектонические сдвиги, происходящие в глобальной экономике и мировой политике. Суть их заключается в следующем: глобальному миру, сформированному по американским лекалам, стало тесно и дискомфортно в его первоначальной упаковке, и он ищет новые, более гибкие и перспективные формы внутренней организации.

В настоящее время, похоже, кризис завершился или завершается. Его последствия будут ощущаться еще довольно долго, но, по-видимому, нижняя точка падения пройдена, и мировая экономика вступает в новый цикл роста. Можно подводить итоги, хотя бы предварительные, и выставлять оценки ведущим игрокам. Как же они прошли кризисную полосу, и какие выводы на будущее мы можем сделать на основании показанных результатов?

Главный вывод можно сформулировать так: кризис подтвердил силу и устойчивость тенденций, отчетливо проявившихся еще в докризисный период. Эти тенденции хорошо суммируются ранее широко известным, а ныне почти забытым маоистским изречением: «Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада». Действительно, два восточных гиганта, Китай и Индия, преодолели кризисную полосу с наименьшими потерями. Они лишь слегка сбавили темпы экономического роста, которые были и остаются головокружительно высокими, 7–10 % в год. По объему производства Китай обошел Японию и стал второй экономикой мира, а у Индии есть все шансы в скором будущем войти в первую десятку. Более того, китайские и индийские кампании начали массированную скупку подешевевших активов, в том числе и на Западе, превращаясь в глобальных игроков на мировых рынках. Несмотря на все различия в формах собственности, структуре экономики, политических системах, мировоззренческих установках, Китай и Индия проявили завидную способность справляться с кризисными потрясениями.

Этого не скажешь о двух-трех десятках государств, объединяемых не слишком определенным

понятием «Запад». Задававшие тон мирового развития на протяжении столетий, они довольно неожиданно оказались перед реальной перспективой утраты глобальной гегемонии. После болезненного спада, самого глубокого за последние десятилетия, началось медленное и трудное восстановление экономики. Прерывистый рост, высокий уровень безработицы, астрономические государственные долги, камнем повисшие на шее правительств, резкое обострение социальных конфликтов, замаскированные попытки переложить тяготы послекризисного периода на чужие плечи. Перед обществами, построенными на неуклонном росте потребления, внезапно замаячил призрак длительной стагнации или даже снижения жизненного уровня. Встали во весь рост неудобные вопросы: за счет чего и кого выходить из кризисной полосы, как вновь запустить механизм экономического роста? И пока удовлетворительных ответов не видно.

Завершившееся тяжелым кризисом первое десятилетие нового века проверяло на прочность различные модели социальной организации западных обществ. Вопреки расхожему мнению, лучшие западноевропейские образцы (Германия, Голландия, Скандинавские страны) по своей экономической эффективности ничуть не уступают, а по ряду параметров даже превосходят американские показатели. Кризис вообще нанес серьезный удар по мифологизированному представлению о Соединенных Штатах как наиболее рационально организованном обществе.

В Европе страны, взявшие на вооружение принципы «социального партнерства», показали себя более кризисоустойчивыми, чем общества, раздираемые социальными конфликтами. По обширной периферии Европейского Союза, — от Ирландии на западе через южную часть континента и вплоть до стран Балтии на востоке — кризис ударил куда сильнее, чем по его центральному ядру. Он обнажил уязвимость внутренне разнородной европейской интеграционной группировки, акцентировал настоятельную необходимость основательного укрепления всей союзной конструкции.

Прошедший кризис несомненно окажет глубокое воздействие не только на мировую экономику и политику, но и на культурную жизнь. Создаются и воссоздаются материальные основы культурного возрождения Востока. Восточные методы организации хозяйственной жизни, ведения бизнеса вызывают растущий интерес и уважение. Западная модель модернизации общества утрачивает былую монополию, возможные альтернативы начинают анализироваться всерьез. В рамках самой западной модели возможна существенная коррекция под влиянием лучших европейских образцов. Ведь невооруженным глазом видно, что инновационные социумы чувствуют себя в посткризисном мире гораздо спокойнее и увереннее, чем имитационные.

Культура глобального мира, формировавшаяся под мощным прессом американизации, не может не реагировать на фундаментальные изменения,

происходящие в важнейших сферах общественного бытия. Потихоньку избавляясь от односторонней ориентации на Соединенные Штаты и западное общество, она все больше стремится отразить многообразие современного человеческого опыта. Процесс не быстрый, не прямолинейный, не однозначный, но, тем не менее, намечающий вектор возможных изменений в системах ценностей, установках, моделях поведения.

Важнейшим результатом кризиса стало то, что он основательно уравнивал в правах национальные государства и различные цивилизации в качестве участников мирового диалога культур. Стало ясно, что ни одна из практикуемых форм человеческого общежития не является идеальной, и в то же время можно много почерпнуть из опыта тех, кто до недавнего времени считался лишь способным старательно копировать чужие образцы.

Обнаружилось, что Запад, справедливо гордящийся своим уровнем и образом жизни, на протяжении десятилетий живет взаимно, и за это придется расплачиваться не только нынешнему, но и будущим поколениям. Америка, напористо подававшая свои методы хозяйствования и социальной организации как высшее достижение современной цивилизации, в итоге обрушила не только свою, но и мировую экономику, а широко разрекламированный «американский образ жизни» поддерживается за счет многомиллиардных вливаний из-за рубежа. Западная Европа, как никто умеющая жить хорошо и со вкусом, вынуждена вспомнить о суровых добродетелях прежней эпохи: упорном труде, воздержании, бережливости.

В то же время быстрое возвышение Китая позволяет ему как крупнейшему кредитору единственной сверхдержавы на равных говорить с американцами. Сегодня Китай проводит модернизацию столь же успешно, как это делала сама Америка сто лет назад, когда она еще только поднималась на вершину славы и могущества. Соответственно он вправе требовать такого же уважения к своему опыту преобразований, корни которого уходят глубоко в национальную культурную традицию.

Несмотря на кризис, Индия устойчиво демонстрирует почти «китайские» темпы роста. К ее внушительным экономическим достижениям надо добавить уникальный статус «самой большой демократии в мире». Как удалось совершить такой прорыв в современность бедной, мультиэтнической, полицивилизационной, конфессионально далеко не однородной стране? Что в индийской культуре позволило *одновременно* проводить экономическую и политическую модернизацию, да еще в столь сложном социуме? Сегодня Индия приковывает к себе внимание не только как поднимающаяся супердержава, но и как кладезь социального и культурного опыта. Неслучайно она демонстрирует спокойную уверенность в своих силах.

Происходящая демократизация культурных оснований мировой политики наиболее наглядно проявилась в смене неформального лидера. Если раньше

им была «семерка—восьмерка», достаточно закрытый клуб богатых западных государств, то потрясения последних лет выдвинули на первый план «двадцатку», добрую половину которой составляют развивающиеся страны, представляющие разные части света. В их интенсивных взаимодействиях, направленных на преодоление кризиса и его последствий, эконо-

мические и политические аспекты неотделимы от культурных. В результате созидание глобального человеческого сообщества из западного (прежде всего американского) предприятия начинает превращаться в универсальный суперпроект, в котором так или иначе представлены все основные цивилизационные компоненты современного мира.